Киров

ПОД ЗНАМЕНЕМ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ЛИНИИ ПАРТИИ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕН372
К473

С. КИРОВ

ЕН352
К 474

ПОД ЗНАМЕНЕМ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ЛИНИИ ПАРТИИ

К НОВЫМ ПОБЕДАМ СОЦИАЛИЗМА

ЗАККНИГА
1 9 3 0

ЕН 372
К-474

С. КИРОВ

ПОД ЗНАМЕНЕМ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ЛИНИИ ПАРТИИ К НОВЫМ ПОБЕДАМ СОЦИАЛИЗМА

ЗАККНИГА
1 9 3 0

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2009

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНА

ЕН372
К474Р

132 185063
21

МЫ ВСТУПИЛИ В ПЕРИОД СОЦИАЛИЗМА *

Товарищи, в связи с той темой, которой мы сегодня должны заняться, мне необходимо будет предварительно вкратце охарактеризовать то положение, в котором сейчас находится наш Советский Союз, ибо совершенно очевидно, что события, происходящие за последнее время внутри нашей партии, нельзя рассматривать отвлеченно. Однако, заняться подробной характеристикой того положения, в котором находится на данном этапе наша социалистическая стройка, я на нашем сегодняшнем собрании не имею ни времени, ни возможности, а поэтому, позвольте мне в этой части доклада ограничиться только самыми общими данными.

Итоги первых лет пятилетки—стремительный марш вперед

Третий год нашего пятилетнего плана играет чрезвычайно важную роль в осуществлении этого плана в целом. Если первый год нашей работы по пятилетке в значительной своей мере носил как бы подготовительный характер, если первый год работы по строго обдуманному плану, расчитанному на отрезок времени в пять лет, нам пришлось потратить на то, чтобы соответствующим образом расставить по этому плану живые и мертвые силы, и само собой понятно, что значитель-

* Переработанные доклады на об'единенном пленуме ЗКК и ЗККК ВКП (б) и собрании тифлисского актива совместно с ЦК и ЦКК КП (б) Грузии 19-20 ноября 1930 г.

ная часть этого первого года была занята организационной стороной дела, то во второй год пятилетки мы вступили уже достаточно организованно.

Как же мы выполнили план второго года пятилетки?

Я освежу в вашей памяти некоторые общие данные, характеризующие нашу работу за этот второй, истекший год пятилетки. Вы все, вероятно, помните, что валовая продукция, планируемая Высшим Советом Народного Хозяйства нашего Союза, за истекший год возросла в общем на 25 проц. Вы знаете также, что промышленность, решающая дело нашей социалистической стройки, это — промышленность, занятая производством орудий и средств производства. Эта отрасль хозяйства дала нам за истекший год прирост на 40 проц. Мы увеличили капитальные вложения в обобществленный сектор всего нашего народного хозяйства на 84 проц., а в нашу промышленность — на 89 проц.

Я знаю, что все вы привыкли к этим процентам, а потому я и не собираюсь вас удивлять таким ростом, как на 40 проц. и пр. Мне хорошо известна прожорливость большевистских желудков, я знаю, что их даже такими процентами не насытишь. Я знаю также, как и вы все, и то, что ни одна страна капиталистическая за все время своего существования не знала таких темпов. Известно, что даже такая страна, как Северо-Американские Соединенные Штаты, занимающая первое место в капиталистическом развитии, в смысле своего об'ема, мощи и пр., — в лучшие свои годы, имела прирост продукции всего лишь на 7—8 проц.; но даже и такой незначительный по нашим темпам и размахам процент там считает-

ся величайшим достижением. Но, я думаю, нам по капиталистическим странам вообще равняться не приходится. Мы с вами выбросили лозунг не только догнать, но и обогнать капиталистические страны, а для того, чтобы не только догнать, но и обогнать, для этого, естественно, нужно двигаться далеко не черепашьими шагами.

Чтобы представить себе те достижения, которые мы имеем за последнее время, особенно за последние два года, по-моему, совсем не лишне будет оглянуться несколько назад. Я это хочу сделать потому, что в подобных случаях мы отличаемся очень короткой памятью, мы обычно забываем то, что у нас было исторически всего лишь вчера, и поэтому, те шаги, которые мы сейчас делаем, все еще кажутся нам как-будто бы недостаточными.

Давайте поглядим на то, что было у нас, примерно, лет 8-10 тому назад. С точки зрения развития государства, развития народа, 8-10 лет — ведь, это же, в конце концов, историческое мгновение, это настолько короткий отрезок времени, что забыть то, что было тогда — никак нельзя.

Совсем еще недавно мы сравнивали уровень нашего хозяйственного развития с тем состоянием, в котором оно находилось во времена владычества царя, помещиков и капиталистов, с так называемым «довоенным уровнем». Мы, обычно, сравниваем уровень нашего развития с 13-м годом, и уже всем известно, что этот уровень во многих отраслях мы настолько далеко перешагнули, что нет никакого смысла вести теперь сравнение по этой линии. Но если все же сравнить то, что было даже 8-10 лет тому назад, с тем, что было при царе, то мы увидим колоссальную разницу.

Всем известно, что в развитии народного хозяйства решающую роль играет такая вещь, как

чугун. В то время (это уже при нас, т.-е. 8-10 лет назад) мы добывали чугуна ни больше, ни меньше, как 2,4 проц. по сравнению с 13-м годом; руды, вообще, мы добывали 1,7 проц., а такого металла, как медь, мы совсем не добывали. Наше народное хозяйство в то время было организовано таким образом, что многим и очень многим казалось, что необходимо будет потратить огромное количество времени, — во всяком случае, понадобится не один год, а десятки лет,—для того, чтобы как следует, по-настоящему, причесать и выгладить наше народное хозяйство. Припоминаю, в связи с этим, заявление председателя ВСНХ тов. Богданова, который в одном из своих отчетов с очень большим пафосом говорил о тех больших достижениях, которые мы имеем в деле организации труда внутри фабрик и заводов. Он приводил, например, такие цифры, что количество прогулов по уважительным и неуважительным причинам на фабриках и заводах у нас из года в год, из месяца в месяц сокращается, и, что в данное время мы имеем, по сравнению с прошлым, вместо 45 проц. прогулов только 40.

Это было всего лет 8-9 тому назад, и вот, я теперь спрашиваю: а что, если бы у нас, сегодня было бы хоть что-нибудь, похожее на то, о чем так горячо, как о великом достижении, говорил в то время тов. Богданов? Я думаю, что нас нужно было бы отдать за такие дела не только в Контрольную комиссию, а направить прямо в Соловки. 40 процентов прогулов! Да это, ведь, для нас, в настоящее время, совершеннейшее разорение! А ведь это было совсем, совсем недавно.

Как на одно из огромных достижений в нашей хозяйственной работе за этот отрезок времени, нельзя не указать на ликвидацию того болезненного социального явления, которое сопро-

вождало всю нашу работу за время революции, сопровождало все наше социалистическое строительство. Я говорю о ликвидации безработицы. Вы знаете, что сейчас в промышленных городах уже нет никакой безработицы, а ведь совсем недавно только в одном Ленинграде насчитывалось около 100 тысяч безработных. Сейчас в Ленинграде безработица изжита совершенно, и мы с этим тоже как-будто уже свыклись, — а вот разрешите вам напомнить такой факт: когда мы прорабатывали в подробностях наш пятилетний план, то много вопросов уже тогда оказывалось более или менее правильно разрешаемыми в нашу пользу, но вопрос о безработице являлся неприступным. Припоминаю еще одно заседание в Госплане, на котором участвовали представители всех областей и республик. Когда на этом заседании на-бело отрабатывались цифры нашего пятилетнего плана, то самым «узким местом», как у нас сейчас принято говорить, снова явился вопрос о безработице. Тогда некоторые жрецы из нашего Госплана доказывали нам, что темпы прироста промышленности, сельского хозяйства и всего прочего мы выдержать еще сможем, но вот ликвидировать безработицу—это дело никак не выйдет, ибо по подсчетам «мудрой» статистики выходило, что производительные силы населения всего нашего Союза, направленные в сторону увеличения нашего народонаселения, действуют с гораздо большей энергией, чем производительные силы, направленные на умножение народного хозяйства. Статистики утверждали, что народонаселение нашего Союза ежегодно увеличивается, примерно, на 3 с половиной миллиона человек, что такой прирост будет увеличивать избыточное население, и что в силу этого изжить безработи-

ду в ближайшие годы никак не представляется возможным.

А что-ж оказалось на деле? Достаточно было нам поработать по пятилетнему плану всего лишь два года, как мы это явление — безработицу — ликвидировали, или, правильнее будет сказать, почти ликвидировали. Те резервы рабочей силы, которые мы еще недавно имели на бирже труда, во всяком случае, квалифицированного труда в своей среде уже не имеют. И теперь мы больше заняты не тем, как окончательно ликвидировать незначительные остатки безработицы, а озабочены уже отысканием источников пополнения рабочей силы, потребной для наших фабрик и заводов.

Не меньших успехов за это время мы достигли и в области сельского хозяйства. Я не стану приводить цифр, а укажу только на одно обстоятельство, а именно, что сегодня мы имеем уже все основания с уверенностью утверждать, что больной вопрос, вопрос о хлебе, нами, в итоге истекшего года работы, решен целиком и полностью. Мы считаем зерновую проблему решенной во всех отношениях. И тут нам снова не лишне будет оглянуться несколько назад.

Давно ли, товарищи, это было, когда вопросы хлеба довлели над всей нашей работой? Далеким казалось нам то время, когда не будет нужды заниматься нам этим больным вопросом. Но сегодня мы имеем такое положение, когда мы не только обеспечиваем потребность в хлебе всего населения, но уже имеем совершенно определенную возможность создать в этом году основательные резервы и для будущего года.

За истекший год мы вплотную подошли к реорганизации нашего сельского хозяйства на но-

вых началах. И всего примечательней то, что социалистические формы организации народного хозяйства мы перенесли и в эту область.

Когда на огромных полях нашего Союза появились первые государственные зерновые фабрики, то у многих возникли сомнения, а что из этого выйдет? А вышло, товарищи, то, что наши государственные зерновые фабрики уже обнимают в общем и целом около 4 миллионов га земли. В будущем году мы предполагаем это количество удвоить, а в следующем — 32-м году количество земли, занятой нашими советскими хозяйствами будет достигать ни много ни мало 15 милл. га. Это, примерно, та площадь, которая вполне обеспечит нам хлебные заготовки прошлого года.

Не меньшее, если, пожалуй, не большее значение имеет и тот поворот в нашей политике в деревне, которым мы определили организацию единоличных, разобщенных крестьянских хозяйств в социалистическую форму. Я имею ввиду наше колхозное строительство. На первых порах эта новая область работы давалась нам не легко. Мы наделали очень много больших и маленьких, а местами, надо прямо сказать, даже очень и очень крупных ошибок. Но, тем не менее, мы из этого дела вышли с огромным положительным балансом. Сейчас, по самым скромным подсчетам, в решающих хлебных областях количество хозяйств, об'единенных в колхозы достигает, во всяком случае, не менее 40 проц. В весеннюю посевную кампанию сев колхозов достигал двух третей общего сева нашего сельского хозяйства. Уже только одни эти общие данные говорят о том, что мы развернули свою работу не только в количественном отношении, но, что мы все решительнее, прямо и определенно переходим на перестройку на новых социалистических началах не только город-

ского (к чему мы приступили давно), но и сельского хозяйства. Мы добились того, что решающие позиции решающих сельско-хозяйственных районов в этом отношении нами уже завоеваны. А это и дало нам возможность всю нашу политику, особенно в деревне, провести решительнее, перейти в наступление на остатки капиталистического класса в нашей стране — в наступление на **кулачество.**

Не сразу и не просто, товарищи, подошли мы к разрешению этой проблемы. Но мы ни на иоту не сомневались и не сомневаемся в том, что той линией, которой ведет нас ЦК, мы придем к социалистической победе и в деревне. Поэтому, установка, которая дана была XVI с'ездом нашей партии, говорящая о том, что мы сейчас уже вступили в полосу непосредственного осуществления социализма в нашей стране, — эта установка является реальной, конкретной и практической во всей нашей повседневной работе. То, к чему, казалось, нужно будет приступить только спустя долгое время и, особенно в деревне, — ныне претворяется в жизнь.

В ряду наших достижений, нельзя не отметить также и того, что не только в городе, но даже и в деревне, мы все больше и больше переходим и на организацию труда на новых началах, на началах социалистических. Если в городе, на фабриках и заводах, мы практикуем такие формы труда, как социалистическое соревнование, встречный промфинплан, ударничество и т. д., то эти же формы, правда, не в таком масштабе, как на фабриках и заводах, мы применяем теперь и в деревне, среди тех самых середняков, которые еще вчера весьма косо смотрели на наше колхозное строительство. Этот самый середняк, который наполовину все еще представляет собою наследие

капиталистических форм организации сельского хозяйства, этот самый середняк сейчас все больше и больше переключается на рельсы социалистического труда, он уже повернул на путь социализма.

Наши достижения—результат большевистской напористости в борьбе за генеральную линию партию

Все это вместе взятое, обязывает нас, товарищи, установить: чему в первую очередь обязаны мы таким величайшим успехам, таким колоссальным достижениям в области строительства социализма в нашей стране?

Ответ на этот вопрос — только один: все — в основном и прежде всего — целиком вытекает из той генеральной политической линии, которую твердо проводила в деревне наша компартия, проводили наши советы. Этим и только этим объясняются все наши успехи, все наши достижения. И одновременно надо сказать, что все неудачи и затруднения, перегибы, недогибы, загибы и все прочее происходило только потому и только в тех местах, где недостаточно полно, отчетливо и прямолинейно проводилась генеральная линия нашей партии.

Было бы, пожалуй, не совсем доказательно, если бы эти наши достижения мы оценивали только сами. Нас, пожалуй, можно было-бы упрекнуть в этом случае в бахвальстве: дескать, «всяк кулик свое болото хвалит». Но, с другой стороны, было бы ведь смешно, товарищи, если бы каждый строитель, даже строитель социалистической стройки, хулил бы ту стройку, которую он сам ведет, — и тем более, когда мы имеем четкие доказательства нашим успехам, которые не подвергаются ни малейшему сомнению. Если всего-

нашего еще несколько лет тому назад оценка положения нашей страны со стороны врагов была одна, если мы слышали от них только такое, от чего всякому слабодушному человеку легко было впасть в панику, то теперь дело обстоит далеко иначе. Теперь даже самые твердолобые, наиболее враждебно к нам настроенные буржуазные экономисты должны совершенно откровенно признавать, — как бы это горько им не было, — наше стремительное, а временами бешенное движение вперед, — ибо сейчас уже действуют не наша агитация и пропаганда, т.-е. не то, чем главным образом, мы располагали в первоначальный период нашей работы и когда чем-либо иным нам трудно было похвастаться. Они, эти закоренелые буржуазные экономисты, не могут теперь не видеть тех реальных, ощутительных результатов, которые все выше и шире разворачиваются в нашей советской стране.

Если Ленин после Октября говорил, что не столько пропагандой и агитацией мы будем страшны капиталистическому и империалистическому миру, сколько самим фактом нашего советского существования, то это положение приобретает сугубое значение в настоящее время, когда в наш большевистский арсенал включаются такие гигантские строительства народного хозяйства, равные которым, в буквальном смысле этого слова, и не снились даже самым смелым жрецам капиталистической системы. Это в равной мере относится и к нашей промышленности и к нашему сельскому хозяйству.

Мне думается, что мы все еще очень часто недооцениваем нашего значения не только внутри нашей страны, но и за пределами ее; мы недооцениваем значения нашего советского государства. Конечно, было бы большой ошибкой, если бы мы

слишком переоценивали нашу мощь, наше значение и наши силы, — это никак не к лицу большевикам, это все не из нашего обихода,—но, с другой стороны, нет никакой надобности с монашеской скромностью скрывать то, что у нас есть, то, что мы уже завоевали. Повторяю, я не располагаю достаточным временем, чтобы приводить в подтверждение нашего роста цифры, тем более, что и особой нужды в этом нет, поскольку они вам и без того известны.

Характерно, что и потребность капиталистических стран в нашем разного рода сырье и прочем из года в год возрастает. Достаточно привести хотя бы такой пример, чтобы показать, какое значение мы начинаем приобретать уже и в мировом хозяйстве. Если взять, к примеру, количество вывозимого нами леса, то за этот год, если мы выполним план на 100 проц., — а этого надо добиться во что бы то ни стало, — выйдет, что по вывозу леса мы займем первое место. Больше нас леса никто не вывозит. Мало того, если вы помните, еще совсем недавно на наших с'ездах мы говорили о том, в каком положении находится наша металлургия. Если мне память не изменяет, по металлургии мы занимали едва ли не пятое место. А сейчас мы все больше и больше продвигаемся вперед, и, мне кажется, что уже в ближайшие месяцы должен разрешиться вопрос— кто окажется по металлургии впереди, мы или Англия. Я уж не говорю о развитии других отраслей нашего народного хозяйства, также ярко свидетельствующих, что мы все больше и больше двигаемся вперед и уже начинаем и за счет этих отраслей промышленности по-маленьку, исподволь, восстанавливать наш экспорт. А ведь, товарищи, помимо всего прочего, каждое наше бревно, каждый пуд нашей нефти, вообще гово-

ря, пахнут не только лесом, не только нефтью, — они пахнут еще большевизмом, прочностью и крепостью пролетарской диктатуры! И это обстоятельство все больше и больше расстраивает планы, намерения и покой капиталистического мира.

У нас—неуклонный рост, у них—глубочайший кризис

Надо вам сказать, что все это совпадает с тем обстоятельством, о котором мы с вами прекрасно осведомлены, — я имею ввиду тот величайший кризис, в который вступил капиталистический мир. Капитализм, которому посвящал свои песнопения тов. Бухарин, много работавший на тему об организованном капитализме, о сверхкапитализме, — этот самый сверхкапитализм и капиталистический мир, которому славословил и патриарх лже-социализма Карл Каутский, оказался в величайшем кризисе, принимающем все более и более острые формы. Дело началось с финансового кризиса, затем мало-по-малу начал наростать кризис промышленности, и теперь все это развернулось в общий и глубочайший экономический кризис.

Кризис, начавшийся с Северо-Американских Соединенных Штатов, стал захлестывать европейские страны, и сейчас нет уже ни одной капиталистической державы, которая не сидела бы на своем оскудевшем капиталистическом берегу и не распевала бы на этих берегах песни вавилонские.

Иначе оно и не могло быть, ибо по тем нитям, которыми связаны капиталистические страны, нарушение равновесия в капиталистическом развитии одной страны, да еще такой решающей, как Северо-Американские Соединенные Штаты, неизбежно величайшим рикошетом губительно отражается на других странах. Мы наблюдаем

целый ряд развалов, казалось бы, совершенно устойчивых, совершенно стойких буржуазно-капиталистических организаций, как, например, стального картеля в Соединенных Штатах, развалившегося совсем недавно. И нужны ли какие-либо другие доказательства, если даже самому Гуверу, президенту Соединенных Штатов, который еще совсем недавно хвастался цветущим развитием своей промышленности и гарантировал капиталистов Америки от каких бы то ни было потрясений в американской промышленности, — если уж этому самому Гуверу совсем недавно пришлось потерпеть величайшее поражение в своей философии американского «процветания».

Постепенно это осознали все сколько-нибудь влиятельные экономические организации и органы печати Европы и Америки. И при сопоставлении того, что происходит у нас, с тем, что наблюдается у них, надо по справедливости войти в их положение и сказать, что положение у них, поистине, тягостное. Все больше и больше начинают они задумываться над тем: а что же произойдет в ближайшие годы, если советская система будет развиваться таким же стремительным маршем, каким она развивается сейчас, при одновременном глубочайшем упадке, глубочайшем кризисе, охватившем весь капиталистический мир!

Одна немецкая газета в октябре месяце этого года, подводя итоги соотношения развития нашего народного хозяйства с развитием народного хозяйства капиталистических стран, пришла к выводу, что есть все основания опасаться, что на этот раз дело идет не об обычном кон'юнктурном кризисе, а что капиталистический мир находится в начале длительной депрессии, продолжительностью лет на 20—30. Видите, какая прозорливость начинает развиваться в умах наших врагов! Я

думаю, что мы можем с твердым убеждением заявить этим «болельщикам» капиталистической системы, что рабочие Запада придут им «на выручку». Я глубоко уверен в том, что рабочие и трудящиеся Запада последуют нашему примеру— установят и там диктатуру пролетариата и мировой Октябрь, силы которого неудержимо растут,— и ликвидируют этот кризис в значительно более короткий срок, нежели 20—30 лет.

Иные буржуазные экономисты утверждают, что нельзя следовать страусовой политике, что надо, мол, уяснить, что перед нами не конъюнктурный кризис, а кризис системы, т.-е. кризис системы капитализма. Обо всем этом повествуют нам не коммунисты, работающие в Европе и Америке, а так характеризуют свое положение наши классовые враги. А отсюда не случайна та огромная кампания, которая поднялась в отношении нашей торговли в ряде стран, вначале во Франции, затем в Бельгии, потом в Румынии, и не будем удивляться, если завтра еще какая-нибудь капиталистическая страна поставит рогатки нашим торговым взаимоотношениям.

Конечно, последнее обстоятельство в известной степени затрудняет нашу работу, но надо сказать, что как бы не изворачивались капиталисты, какой бы кордон не выставили они против советской торговли и советской продукции,идущей заграницу, от всего этого особой пользы извлечь они не смогут. Как бы они не старались организовать стройный единый фронт, похожий на нашу монополию внешней торговли, дело у них не выйдет, ибо наиболее благоразумные из них не могут включиться в эту кампанию, так-как, по их утверждениям «барыши не пахнут», так как у наиболее благоразумных из них—девиз один: «прибыль и только прибыль!» Поэтому, повторяю, несмотря

на все их старания, несмотря на всю организацию единого фронта против нашей советской торговли, вряд-ли что-либо путное для них из этого может получиться.

Наши достижения вызывают бешенное сопротивление классового врага

Но, товарищи, мы не должны упиваться нашими успехами и закрывать глаза на те трудности, которые проистекают и сопровождают нашу советскую стройку. Эти трудности идут с двух сторон: трудности, порожденные внутри нашей страны, и трудности, идущие извне. Особенно большую организацию живых сил, направленную против нашей советской социалистической стройки, мы встретили как раз в тот момент, когда наше социалистическое наступление развернулось широким фронтом не только в городе, но и в деревне.

Вспомните, товарищи, наши шаги, направленные к тому, чтобы на основе сплошной коллективизации перейти к ликвидации последнего оставшегося на нашей советской земле капиталистического класса—кулака. Как только мы взяли, что называется, за горло первый десяток кулаков,—раздался такой неимоверный вопль, который стал слышен не только в нашей стране, но и за пределами нашего Союза. Кулацкий вой был услышан не только в деревне, волости, но он стал слышен кое-где на фабриках, заводах и, больше того, отразился эхом и в некоторых звеньях нашей компартии. К этому же моменту как-раз созрели и те организации за пределами нашей страны, которые классовым инстинктом почуяли к чему клонится дело, к чему клонят большевики на данном этапе развития Октябрьской революции. И отнюдь не случайно, что с нашим наступлением на кулаче-

ство совпала очень широкая сеть быстро развивавшегося вредительства не только в нашей промышленности, но и в нашем сельском хозяйстве, во всей нашей государственной стройке. С этим нашим наступлением совпал отчаянный вопль контрреволюционных сил за пределами нашей страны, с ним совпал и вопль в отдельных звеньях нашей компартии. Мы подошли к последнему барьеру, стали брать последний решающий барьер, стоящий на пути нашего социалистического строительства,—и каждый из наших врагов понял (для этого, ведь, не нужно быть особенно грамотным), что если упустить решающий момент, то дальше уже будет поздно.

С этим моментом, как я уже сказал вначале, совпал и решающий перелом в нашем социалистическом строительстве во втором году нашего пятилетнего плана.

Последние два года нашей работы по пятилетнему плану являются блестящим доказательством нашей правоты. Внутри своей страны мы повели решительную борьбу против сопротивляющегося нашему социалистическому наступлению кулачества, пытавшегося в обостренной классовой борьбе против пролетарской диктатуры повести за собой и середняка. Мы открыли широчайшую сеть вредительства верхов буржуазных специалистов—агентов буржуазии и интервентов, засевших буквально во всех отраслях нашего народного хозяйства—на транспорте, в сельском хозяйстве и даже в определяющих наше социалистическое строительство плановых и хозяйственных органах. Но никому не под силу оказалось не только опрокинуть нас, но даже и затормозить нашу социалистическую стройку; и вот, чтобы испытать последнее решающее и единственное средство, о котором говорил т. Ленин, враги наши попытались

создать смычку между силами, действующими внутри нас, и силами внешними. Отсюда—все то, о чем мы все на-днях читали в газетах.

Я имею в виду самую крупную, самую зверскую, самую организованную контрреволюцию из всех тех, какие мы имели за последний отрезок времени. Это—работа и деятельность в нашей стране так называемой «промышленной партии». То, что опубликовано в газетах, и что вы все читали, это только часть того материала, которым мы располагаем в отношении деятельности «промышленной партии». Помимо задач «промпартии», изложенных в обвинительном акте, и тех, что будут вскрыты в судебном процессе, который начнется 25 ноября, существовала целая система борьбы против диктатуры рабочего класса в нашей стране. Но мы умышленно отодвигали эту сторону дела назад, ибо главное и основное в том, что изложено в опубликованном в газетах обвинительном акте.

Не то, и не столь опасно, что «промпартия» замышляла террористические акты, взрывы и прочие проявления вредительства на наших фабриках, заводах, транспорте и т. д.,—значительно больший интерес представляет для нас организация интервенции. Я это утверждаю потому, что теперь и для наших врагов ясно, что на том этапе социалистического строительства, на котором мы ныне находимся, можно будет так или иначе затормозить наше развитие только при сочетании всех внутренних и внешних сил, борющихся против нас. Других средств, других способов,—это осознала и важнейшая отечественная контрреволюция — в их распоряжении не имеется и быть не может.

В этом смысле, в последующих материалах мы прочли чрезвычайно много интересного. Все эти Рамзины, Осадчие и прочие,—кстати сказать,

люди умные, образованные и в политике кое-что понимающие,—все они в один голос говорят о бессилии взорвать советскую систему извнутри. И не случайна поэтому их смычка с иностранной контрреволюцией и империалистами. Рамзины, Осадчие и иже с ними в своих переговорах с зарубежниками, говорили, что мы, дескать, сделаем со своей стороны все, чтобы вам помочь, чтобы с тыла ударить,—и большевиков травить будем, где и кого удастся и т. д.,—но все это лишь вспомогательные средства. Решительного удара можно ожидать только от организованного империализма—извне!

НЕПРИМИРИМАЯ БОРЬБА НА ДВА ФРОНТА ЗА БОЛЬШЕВИСТСКОЕ ЕДИНСТВО ПАРТИИ

Если представить себе всю эту сеть наглядно, если представить себе четко все препятствия, что стоят на пути нашего развития, то каждому будет ясно, какие, действительно, огромные, пожалуй, не каждым осязаемые, барьеры мы преодолеваем. Каждый наш шаг, каждое наше действие вызывает такое сопротивление, от которого и мудрый будет вздрагивать, а иногда и больше чем вздрагивать. И надо прямо сказать,—вздрагивает время от времени и то или иное звено, и та или иная группа или ячейка внутри нашей партии. Это не случайно и вполне закономерно.

Если верно наше утверждение,—а оно безусловно верно,—что мы не можем строить социализма без того, чтобы внутри нашей партии не было отдельных колебаний и т. д.,—в силу того, что стройка наша происходит в обстановке жесточайшей классовой борьбы,—то с неизбежной закономерностью будут повторяться и колебания

внутри нашей партии. Едва мы только более или менее основательно надавим на наших врагов, как через невидимые нити это уже рикошетом отражается на отдельных звеньях нашей партии. Это было и будет всегда!

Вспомните, как возникла и развивалась наша оппозиция в прошлом, и вы убедитесь, что каждое возникновение и развитие оппозиции сопровождало тот или иной поворот нашей политики внутри страны. Мы сделали решительный поворот, развернув широко реконструкцию нашего хозяйства, фабрик и заводов, мы перешли в социалистическое наступление развернутым фронтом в городе, а затем и в деревне,—и надо было ожидать, что где-нибудь, у кого-нибудь, на каком-нибудь месте да екнет—еще и до этого крутого поворота. Не даром стали заикаться такие работники, как Рыков, Томский, Бухарин. Но заикается и спотыкается значительно большое количество, чем мы видим и замечаем. Это надо явственно понять каждому из нас.

Право-„левые“ оппортунисты—против линии партии, против ленинского ЦК

Не случайно, поэтому, так сказать и рождение новой оппозиции, именуемой теперь право-«левым» блоком Сырцова и Ломинадзе. Это тоже не с неба свалилось. Кое-кто, пожалуй, подумает, что быть-может Сырцов—человек не из особенно твердокаменных, что он надломился, когда на его плечи возложили председательствование в Совнаркоме РСФСР. Но это не верно. В свое время, в период гражданской войны, Сырцов был не хуже нас, работал он не хуже других,—очевидно потому, что тогда ему казалось, что все идет по совершенно законным ступеням. А здесь Сырцов надломился именно потому, что те огромные достиже-

ния, о которых я вам говорил, добыты нами путем преодоления очень больших и очень сложных трудностей, которым он противостоять не смог.

Вы знаете, что наша стройка идет вверх, идет вперед по очень сложному пути, который не пройти сплошь с пением Интернационала. Наш путь сопряжен с большими перевалами и препятствиями, преодолевать которые не так легко,—и вот как-раз на таких перевалах обычно случается так, что то или иное звено нашей партии начинает дрожать. Мне сдается, что именно на таком серьезном перевале—на нашей социалистической стройке в деревне—споткнулась и группа Ломинадзе—Сырцова, хотя оба они и отрицают это самым решительным образом.

Я приведу вам небольшие иллюстрации. Все вы знаете, с каким трудом даются нам наши новые фабрики, наши новые гиганты, наши новые заводы. Сталинградский тракторный завод мы выстроили по последнему слову европейско - американской техники, это завод, равного которому, буквально, нет в мире. Мы недостаточно искушены в технике, —в этом отношении мы еще малограмотны,—но мы пригласили в Сталинград знаменитых специалистов со всего света,—и как это ни трудно было, а завод мы все же пустили. Далее,—мы строим Магнитогорский гигант. Мы и для него выписали наилучших, достаточно искушенных американских инженеров,—но Магнитострой и для них новое дело, и вместе с нами они ломают над ним головы. Сами понимаете, не такая уж это легкая и простая штука!

Я остановил ваше внимание всего лишь на двух пунктах нашего громадного строительства, но и по ним уже достаточно видно, что, с одной стороны, у нас как-будто и достижения, а с другой,—не все выходит так гладко, как хочется,—за-

вод мы выстроили, а полного пуска сразу не да-
ли... И вот, придет домой после трудов праведных
Председатель Совета Народных Комиссаров
РСФСР, займется чтением материалов, получен-
ных из ГПУ, о том, как Рамзины и Осадчие за-
мышляли интервенцию, как уже закончились пе-
реговоры в этом направлении, как по западному
берегу нашего Союза (я говорю о Румынии и
Польше) создан единый фронт против нас, как все
сорганизовано для того, чтобы взять головной
штаб в свои руки, как подготовлен враг,—и плюс
к этому... внутренние недочеты! Когда все это
суммируешь, то действительно... как же не надо-
рваться слабому человеку! (Смех).

Мы отдаем все до последнего, сплошь и ря-
дом отказываем себе в самом необходимом, что-
бы наш, к примеру, Магнитогорск, как следует
закончить, — но ежели ты от сопутствующих
великую стройку трудностей смущаешься, при-
ходишь в смятение, то уж запутаться можно в
два счета! Это нетрудно.

Оно, собственно говоря, так и произошло.
Человек, глядя на всю эту обстановку, да еще при
таком окружении (а вы знаете, в каком окруже-
нии мы иногда находимся, особенно в наших со-
ветских органах, когда на партийную ячейку, на
рабочее собрание раз в полгода попадешь, да и
то по какому-нибудь весьма торжественному слу-
чаю, а тут тебе Осадчие да Рамзины подготовляют
изо дня в день всякие материалы и доклады, от-
равленные вредительским ядом), — поистине дол-
жен иметь даже не железные, а вольфрамовские
нервы, чтобы выдержать всю эту музыку, чтобы
сохранить необходимую стойкость. Ведь иной раз
кажется, что вот только перешагнуть порог — и
дело готово, — но не у каждого, оказывается,
хватает для этого ног. И Сырцов, — хотя он че-

ловек и высокий, — оказалось, не сумел перешагнуть такой порог, — дрогнул, не выдержал! (Смех).

Что касается Ломинадзе, то мы все знаем, что «наш Бесо» — ухарь-молодец, он ничего не боится, он бесстрашен и в свое время громил всяких оппозиционеров не хуже нас.. И вдруг, пожалуйте, — в момент, когда мы вступили в полосу непосредственного социализма в нашей стране, когда мы не на словах, а на деле осуществляем бесклассовое общество, и ему бы только дело делать, он, вдруг,—извольте радоваться!..

Отчего это произошло? Да не иначе, как от того, что не сумел человек переварить всей сложности того переплета, той обстановки, в которой мы сейчас находимся. А в этой обстановке есть как-будто очень страшное внутреннее противоречие: с одной стороны, — гигантские размахи, величайшее и усиленное движение вперед, а с другой, — угроза, которая может показаться смертельной. Это нужно уметь сочетать, а если ты этого сочетать не сможешь, то обязательно скажется та болезнь, которой и заболели Сырцов, Ломинадзе и их единомышленники. Правда, заболели они по разным линиям: Сырцов — тот сразу на правую ногу захромал. Ломинадзе же казалось (кстати, ему так казалось не сегодня, он и раньше «задумывался» над проблемой нашего социалистического строительства), — может-быть потому, что он, вообще говоря, помоложе всего нашего руководящего партийного состава, — ему казалось, что крен надо больше брать влево, заходить полевее, — тогда лучше будет, скорее победишь, скорее построишь и скорее выйдешь из всех трудностей.

Вы, товарищи, достаточно, конечно, разбираетесь во всех тонкостях оппозиционной поли-

тики, и мне не придется доказывать вам, что в правом лагере в конце концов обязательно окажется каждый, кто пойдет вправо-ли, или влево—все равно, — кто вообще вступит на путь оппозиции в отношении политики нашей партии. Этим я хочу сказать, что не от глупости простой происходит оппозиционное заболевание того или иного товарища, но, конечно, и не от очень большого ума. (Смех).

Но, об'ективно, как все же обстоит дело? Об'ективно, внутри нашей страны, в нашей стройке есть такая почва, на которую, если вступить без большевистских галош, обязательно, как пить дать, заболеешь. Так вышло с Ломинадзе и Сырцовым. Заболели они, с первого взгляда, на очень скромных вопросах. Например, Ломинадзе в ЦК партии нам докладывал: если вам по совести сказать, я давно болею таким недостатком, который, иначе как фрондированием перед ЦК, я назвать не могу.—Как-будто с первого взгляда недостаток ни бог весть какой. Почему бы не пофрондировать Ломинадзе, если к тому же у него еще и темперамент южный? Почему, мол, нужно с благолепием относиться к ЦК партии и Политбюро? — рассуждал Ломинадзе. Как-будто пустяковый недочет, но теперь и Ломинадзе понял, к чему может привести это фрондирование.

Задача нашего ЦК и Политбюро заключается не в том, чтобы быть «приятным» для членов партии, для рабочего класса, для трудящегося крестьянства. Не для того там сидят люди, чтобы произносить лояльные фразы в отношении членов партии и пр. Там политика! Там ничего другого нет, быть не может и быть не должно. Для того туда и посылаются люди. И если ты заявляешь, что фрондируешь перед этими организациями, то не забывай, что ты фрондируешь перед той

генеральной линией, которую мы так тщательно, с таким упорством и с такой настойчивостью проводим. Фрондировать около этого дела — шуточки весьма скверные. Ломинадзе такие «шуточки» откалывал и раньше вместе со Стэном и др., но мы лечили его, исправляли, потому что дело не заходило далеко, и мы приписывали это грехам молодости. Молодость ведь такое дело, что человек попадается в самых разных вещах, — может он допустить некоторую несдержанность и в политике. Но на нынешней стадии, дело у него пошло значительно дальше, и то, что мы могли раньше излечить у Ломинадзе, теперь пошло гораздо глубже.

Двурушнический блок на платформе правых

Группа Сырцова, взявшая свою идеологию, главным образом, из арсенала правых, и группа Ломинадзе и Шацкина, как-будто питаемая из арсенала «слева», как известно, сблокировались. Потому-ли это произошло, что обе группы были не особенно многочисленны, потому-ли, что возглавлялись они людьми не слабо авторитетными в нашей партии, но факт тот, что природа возникновения и той и другой группы совершенно неизбежно продиктовала им необходимость организации единого блока для наступления на генеральную линию нашей партии и на ее руководство — ЦК.

Надо сказать, что, получив первые сведения, о том, что случилось с Ломинадзе—Сырцовым, мы даже не подозревали как далеко зашло дело. Но когда нами были получены дальнейшие подтверждения и мы сопоставили их с прошлой деятельностью и того и другого, когда, наконец, они сами более подробно порассказали о своих делах, то оказалось, что в основном первые источники

оказались верными. Оба они — и Сырцов и Ломинадзе — действительно заболели самой настоящей оппозиционной проказой, притом, весьма злокачественной ее формой. И тот, и другой взяли под обстрел самые основные вопросы нашей политики.

Возьмем хотя бы одно из основных положений, выдвинутых Ломинадзе в его разговоре в ЦК и ЦКК нашей партии. В своих показаниях, о том, как дошел он «до жизни такой», Ломинадзе говорил, что он видел всяческие затруднения и отягощения культурно-материального бюджета нашего рабочего класса, он поведал нам, как это его тревожило и как он «вычитал в каком-то партийном документе» о том, что ЦК партии, якобы, стал на путь «сужения фронта капитального строительства». Тогда он, Ломинадзе, успокоился, увидев, по его словам, что партия поняла, что нужно делать. Он хотел об этом подсказать ЦК, но не успел сделать, так как ЦК сам догадался перейти на линию «сужения капитального строительства» в нашей стране, и это его вполне удовлетворило.

Так думал и думает Ломинадзе. Я уже приводил вам последние данные о том, как на самом деле разворачивается наше капитальное строительство. Если бы ЦК ВКП (б), действительно, вступил на путь сужения фронта капитального строительства, то я первый поднял бы тарарам против такого ЦК, ибо вступить на такой путь, значит —нечего больше разговаривать о социализме, это значит пойти по тем рельсам, которые старался проложить, но неудачно, тов. Бухарин, проповедовавший философию, что без кирпича здания не построишь и т. д.

С первого взгляда, это как-будто и бесспорная истина. Конечно, без кирпича не построишь здания, ничего не сделаешь также и без металла,—

но ведь не это имел в виду тов. Бухарин, а то, что для дальнейшей социалистической стройки нам надо сначала сто раз промерить, десять раз все взвесить, а потом уже по одежке протягивать ножки. Есть, мол, столько-то кирпича, значит дальше нечего залезать. А мы ведем работу в обстановке, так называемых, напряженных планов. Мы каждому хозяйственному органу, каждому тресту, коммунальному отделу совершенно умышленно, сознательно и правильно даем такие планы, которые они — пусть пыхтя, напрягаясь, нажимая, — но должны выполнить! Если же мы будем строить так, как рекомендовал Бухарин, то мы и с кирпичами и без кирпичей все равно никакого социализма не построим.

Тоже самое рекомендовал нам и Ломинадзе. Он где-то «вычитал», что у нас взят курс «на сужение капитального строительства», а мы говорим, что оно у нас увеличилось на 84 проц. Это сумма капитальных вложений за прошлый год. И если нам в дальнейшем средств не хватит, то нам нужно будет пересмотреть все наши советские закрома и вытащить оттуда все, что найдется, и как можно больше.

Все вы знаете, что 16 с'езд нашей партии в своих решениях совершенно определенно указал на то, что, наряду с успехами социалистической стройки, у нас растет и культурно-материальное благосостояние рабочего класса. Совершенно объективными выкладками это положение доказано полностью. Цифры о состоянии зарплаты мы проверили по всем каналам, по которым только можно было проверить, и такой, например, канал, как ВЦСПС, призванный бдительно следить за состоянием зарплаты, он также подтвердил, что зарплата у нас растет, растет во всем Союзе. Это, конечно, не значит, что где-нибудь, в далеком, ну-

стяковом местечке, не может быть какой-нибудь заминки. Но если мы возьмем положение рабочего класса в целом, то надо быть слепым, чтобы не видеть, — как бы парадоксально это не было на первый взгляд, — что зарплата у нас растет на самом деле. (С места: «Правильно»!).

Я должен сказать по чистой совести, что каждый из вас, бывающий на фабриках и заводах, особенно в обстановке, выражаясь не совсем литературным языком—«бузотерской», знает, как подчас нам бывает там трудно. Случается, когда мы говорим там о росте зарплаты, рабочие нас спрашивают: а сколько раз в месяц даете вы нам мясо? — А, как известно, мясо мы даем не все 30 раз в месяц, а иногда и 20 и 15 раз, — и когда на этой основе кое-кто пытается утверждать, что зарплата у нас падает, то это только изобличает весьма примитивный подход к такому сложному вопросу.

Почему я останавливаюсь на этом вопросе? Да потому, что знаю, и надо прямо сказать об этом, что в вопросе о зарплате группа Ломинадзе и Сырцова имеет гораздо больше сторонников своих взглядов, чем те сторонники, которые установлены контрольными и всякими другими органами нашей партии и, вне всякого сомнения, что на этом вопросе легче всего и чаще всего можно споткнуться.

Если достаточно того перечня вопросов, о которых я говорю, то каждый из вас легко может догадаться из какого арсенала все это взято оппозицией. Тут есть и от троцкизма, и от того, что в свое время выдвигали Зиновьев и Каменев, например, по вопросу о зарплате, тут есть и от Бухарина, и от Рыкова, приложил свою руку ко всему этому и Томский.

Когда толкуешь об ошибках Ломинадзе, то нужно сказать, что в первое время многим казалось, что может-быть Ломинадзе сболтнул в полуоткровенном разговоре. Все мы знали Бесо Ломинадзе, как человека очень откровенного, любившего, казалось, говорить правду-матку в глаза всем и всякому. Всеми этими качествами Ломинадзе действительно отличался, но, товарищи, как теперь выяснилось, он отличался ими в гораздо большей степени, чем это требуется по здравому смыслу.

Один весьма авторитетный товарищ оказался очень прозорливым в отношении Ломинадзе,— он еще несколько лет назад говорил, что Ломинадзе настолько откровенный человек, что способен выболтать партийную тайну, — и этот товарищ оказался прав. Откровенность у Ломинадзе действительно чрезмерная, у него все на распашку! Будучи членом ЦК, будучи осведомленным во всех вопросах жизни и деятельности ЦК (а вы знаете, что нам приходится заниматься иногда весьма сугубо секретными от врагов вопросами, ибо хоть мы живем и легально, а не подпольно, но со всех сторон мы окружены, и нам самим приходится поволчьи преодолевать свою работу, и потому иногда работать по секрету), Бесо Ломинадзе и тут оказался откровенным, душа у него оказалась настолько на-распашку, что особых секретов от своих ближайших единомышленников и помощников по фракционной работе у него не существовало. Болтал он решительно вне всякой меры. Это может показаться вопросом более формальным, нежели по существу, но это одно из важнейших условий успехов нашего социалистического строительства, и это надо понимать.

Меньшевистско-троцкистская клевета на партию, на социалистическое строительство

Все мы знаем, какую роль в нашей работе играет такое звено, как советский аппарат, Советы. Всем ясно, что это — орган диктатуры рабочего класса в нашей стране, это — орган наш, коммунистический, если не поголовно, то по крайней мере, в своем руководстве. За весь советский аппарат, за это наше звено в первую голову целиком отвечает соответствующая группа коммунистов, его возглавляющая и им руководящая. А как расценивает Ломинадзе этот наш советский аппарат? Он говорит, что в нем господствует «барско-феодальное отношение к нуждам рабочих и крестьян». Ну, знаете ли, надо же уметь договориться до такой ереси, причем, договориться вслух, всерьез, по-настоящему! Ведь так отзываются о нашем государственном аппарате только наши злейшие враги. Почитайте Керенского, почитайте «Социалистический вестник», — ведь это они изображают дело так, что якобы наша партия — эксплоататор рабочего класса, крестьянства и прочее. Все эти взгляды и Ломинадзе, и Шацкин, и другие позаимствовали из арсенала правых.

Сырцову все кажется в необычайно мрачном свете. Всюду для него тьма непроглядная. Ему мерещится, что все становится вверх ногами, что нет никакой возможности это исправить, что не сегодня, так завтра разразится страшнейший кризис, и мы попадаем в преисподнюю, если нас не спасут во-время они, Сырцов и Ломинадзе. И он думал, что, когда все задрожит, и мы полетим в эту преисподнюю, то он, вместе с Нусиновым и др., снизойдет к печальной судьбе партии и вытащит ее из беды.

А что же думало на этот счет наше руководство — ЦК и Политбюро нашей партии? По мнению Сырцова, Политбюро — повседневный штаб нашей коммунистической работы, — грубо говоря, ничего не замечает. Оно замкнулось в свою скорлупу и дальше кремлевских стен, больше того — дальше одной определенной квартиры ничего не видит. Сырцов пробовал кое с кем об этом поговорить, но у него ничего не вышло. Он мечется по Совнаркому, не спит по ночам, а Политбюро его волнений не понимает, потому что, видите ли, оно замкнулось в своей скорлупе, и там высасывает из пальца коммунистическую политику. Поэтому-то не сегодня-завтра все должно погибнуть. И вот, Сырцов начинает собирать вокруг себя своих сибирских однокашников, чтобы вместе с ними попытаться спасти положение.

О замкнутом руководстве, вы знаете, говорил еще Зиновьев, говорил о нем и Бухарин. Словом, каждому оппозиционеру, как только он начинает формулировать свою оппозицию, как только он замыкается в свою оппозиционную скорлупу, тотчас же все начинает казаться наоборот: что замкнулось руководство, что ничего не видит и не слышит руководство, и что только он, оппозиционер, находясь в своей оппозиционной скорлупе, все видит и все чувствует.

Насколько я сумел, я сказал вам уже о наших достижениях. Но я умышленно не говорил о тех достижениях, которые характеризуют новые формы труда в нашем Союзе. Я уверен, что каждый из вас знает, какие новые устремления вводятся у нас путем социалистического соревнования, встречного промфинплана и разного рода новых форм работы. Мы ведь теперь даже в партию начинаем принимать по-иному; сегодня, при приеме в партию, мы уже подходим к рабочему не так, как вче-

ра. Если раньше, при приеме рабочего в партию, мы интересовались производственным его стажем, его политической выдержанностью и т. д., то сейчас всего этого уже недостаточно.. Помимо всего указанного, теперь мы спрашиваем у рабочего: состоит ли он в ударной группе или бригаде, какое место он занимал во время проработки встречного промфинплана, какое участие принимает в борьбе за его выполнение на том участке, где он работает и т. д. И лишь после положительного на эти вопросы ответа мы ему говорим: да, ты можешь и должен быть в рядах коммунистической партии.

На заводах и фабриках у нас большие достижения, большие успехи, но, конечно, и очень много трудностей; однако, при наших новых формах и методах работы, мы эти трудности преодолеваем и преодолеем окончательно. И всего существеннее то, что не только на заводах и фабриках, но, как я уже отмечал, эти новые формы труда мы мало-по-мало внедряем сейчас и в деревне.

Как же относится к этим формам труда новоявленная оппозиция? Чтобы не задерживать вашего внимания, я позволю себе процитировать выдержку из доклада Сырцова. Вот, что он говорит:

> «Так уж у нас повелось, что каждая, самая правильная, самая великолепная мысль обязательно в дороге должна обрасти известными наслоениями, как сапоги по грязной дороге облипают тяжелыми комьями грязи. Это мы видим и в социалистическом соревновании и в ударничестве. Чуть ли не каждая положительная творческая идея рабочего класса обязательно через некоторое время получает в порядке какого-

то автоматизма извращение, расхолаживающее рабочие массы».

А вот, что пишет по этому же вопросу Троцкий:

«В обстановке фактически отсутствующей рабочей демократии, всякое жизненно-необходимое мероприятие, выдвигаемое волей и инициативой пролетариата, проводится в обезображенной, искаженной форме, иной раз приносящей больше вреда, чем пользы».

Как видите, совпадение совершенно разительное и многоговорящее.

Наше строительство, гордость нашей работы, чем мы восторгаемся и что привлекает теперь величайшее внимание рабочих всего мира, — это наши новые гиганты, новые, буквально, перлы современной техники. Как же к ним относятся представители новоявленной оппозиции и тот же самый Сырцов?

Я уже говорил мельком о Сталинградском заводе, — там были неполадки, как и на всяком новом заводе, — но разве это умаляет по существу наши достижения, разве это умаляет огромных размеров наши успехи, которых мы добиваемся по линии производства тракторов, чтобы освободить себя от иностранной зависимости, когда Сталинградский завод пойдет полным ходом? Сырцов этого не видит. Для Сталинградского завода он не находит иной аналогии, как с потемкинскими деревнями; дескать, как тогда, так и теперь очки втирают. Сталинградские коммунисты,— выходит по Сырцову, — хотят лишь выслужиться тракторным заводом и обманывают общественное мнение нашей партии и рабочего класса.

Наконец, еще одной достопримечательной особенностью новой оппозиции является то, что

она с первых же дней своего существования приняла строго конспиративный характер. Это, в полном смысле слова, подпольная организация, имеющая свою чрезвычайно жесткую дисциплину, дисциплину — молчать, друг друга не выдавать, правду ЦК не говорить.

Двурушничество, фракционность—тактика право-„левого" блока

Здесь мне особо хочется остановиться на поведении Ломинадзе. О нем принято думать, как я уже говорил выше, что у него душа на-распашку, что он откровенен со всяким и каждым. Ну, кажется, с кем уж тогда и быть откровенным и искренним, как не с ЦК партии? Однако, Ломинадзе — «душа-парень» с ЦК откровенничал меньше всего. Наоборот, все свои сомнения, все вопросы, которые рождались у него в голове, он тщательнейшим образом скрывал от ЦК и культивировал их в своем замкнутом, фракционном кружке. Люди, заявляющие, что у нас царит замкнутость, что у нас фальшивость в партии, в отношениях и прочее, и прочее, оказались способными разговаривать на самые животрепещущие для них темы о социалистическом строительстве только с Каврайскими, Нусиновыми и им подобными, а для разговоров с ЦК у них язык не поворачивался.

Это — отличительная особенность новой оппозиции. Назвать ее «двурушничеством», будет слишком мягко. Гораздо правильнее охарактеризовать эту оппозицию, как организацию, действительно, с первых же шагов, принявшую совершенно предательские формы и методы работы против нашей партии. (Голоса: «Правильно»!). Если ты член партии, — к тому же еще и член ЦК, — если ты руководишь огромнейшей организацией, руководишь коммунистами всего Закав-

казья, если ты действительно увидел, что партия берет крен в какую-то преисподню, и если ты обладаешь рецептом гораздо более действенным, нежели все постановления с'ездов и директивы ЦК, то ты должен быть последним мерзавцем и негодяем, если этого рецепта, в который ты так искренно веришь, не покажешь ЦК! Что это? Это совершенно небывалое кощунство над ленинскими заветами партии. Каврайскому и Нусинову показать свою платформу можно, Шацкину — тоже можно, поехать в Гагры и там на панихиде над умершим Костровым развертывать эту свою, спасающую революцию, платформу тоже можно, — а вот в ЦК и ЦКК об этой платформе, в которую ты веришь, нужно молчать!

Если верно то, что перед нами перспективы, снижающие материальное благосостояние рабочего класса, если это об'ективно совершенно точно установлено, то надо об этом сейчас же ставить в известность ЦК нашей партии. Ведь каждый из нас, когда бывает заминка с зарплатой или предвидятся временные колебания в сторону понижения ее уровня, в первую голову, кричит об этом ЦК. Это абсолютно оправдано всей историей нашей работы; только в этом огромном коллективе, при общей, дружной, единой работе, мы сумеем нести ту ответственную ношу, которая возложена на нас историей. А тут квалифицированнейший член партии Сырцов — председатель Совнаркома, кандидат в Политбюро — в руках которого все пружины нашего государственного и партийного управления, от которого не скрывается ничего, что делается в нашей партии, оказывается, только тем и занят, что целые ночи лежит, рыдает в подушку, стонет—«болеет» за судьбы революции и партии. Ему кажется, что кризис, надвигающийся на нашу социалистическую стройку, разразится даже

не через несколько месяцев, а через несколько недель, и он, словно кисейная барышня, или сидит у себя в предсовнаркомовском кресле и плачет о судьбах революции, или, в лучшем случае, собирает Нусинова, Каврайского и прочих, и с ними справляет тризну и намечает пути, как выйти из положения. Но от ЦК партии эти вопросы им скрываются. Если бы, товарищи, завтра каждый из нас,— я прямо говорю о совершенно немыслимом, чудовищном явлении, — хотя бы на один-два дня заразился такой болезнью, то чтобы это получилось? Получился бы сумасшедший дом, и мы, действительно, угробили бы наше социалистическое строительство.

Большевистская партия, в отличие от других партий, тем и сильна, что в своей политике, в своей линии поведения она должна быть совершенно откровенной, у нас не должно быть никакой конспирации. Ежели ты начинаешь заблуждаться, ошибаться, партия сделает все, чтобы помочь тебе разобраться, одуматься, опомниться, чтобы вылечить тебя, как только можно и где это можно, вплоть до... заграничного курорта. Но если и это не помогает, то тогда мы уже говорим: уйдите ко всем чертям и не оскверняйте наших рядов.

Сырцов, оказывается, заболел настолько, что стал поручать полуграмотным людям, — полуграмотным в коммунистическом, партийном смысле этого слова; — подбирать ему материалы, цифры и пр. Подбиранием и составлением этих сводок занимались те самые специалисты, процесс которых мы будем слушать 25 числа сего месяца! Это абсолютный факт. Сырцов, и иже с ним, готовы скорее прислушаться к голосу этих людей, нежели к голосу своей партии, к голосу своего ЦК. Среди этих людей они откровенны, им они могут

говорить свою правду, а вот с ЦК партией, даже тогда, когда их взяли за грудку, когда привели с поличным, когда все на очной ставке уже было засвидетельствовано, они и тогда разговаривать отказывались. Внутренняя фракционность не позволяла им сразу раскрыть свои оппозиционные взгляды, и понадобилось исключить из партии— после того, как была установлена принадлежность их к оппозиции—Нусинова, Каврайского и других, — и лишь после все эти приверженцы Сырцова—Ломинадзе рассказали нам, как, что и к чему.

Что это за нравы?! Дальше уж итти некуда! А если будет так, если такое положение будет культивироваться в том или ином звене нашей партии, то можно разложиться в конец. Со стороны и Сырцова, и Ломинадзе мы видим лишь замкнутость, нежелание говорить и, больше того, уходить в себя, клеветать на партию, на ее руководство. При таком положении, каждый задает себе вопрос: кому же верить, если даже такой откровенный, такой прямодушный человек, как Ломинадзе, не всегда и далеко не везде, не только не говорил правду, но даже умышленно, сознательно подкапывался под руководство, организовывал силы против ЦК ВКП (б), и все это скрывал Я считаю это самым большим и самым главным преступлением, которое совершила группа Сырцова—Ломинадзе.

Оппозиционной лихорадкой они были одержимы в достаточной степени уже на XVI с'езде партии. Сырцов о своих сомнениях на с'езде откровенно не говорил, больше того — он уверял, что он за линию ЦК ВКП (б). Ломинадзе всюду, и в Москве, во всех резолюциях с треском, с барабанным боем кричал и клялся, что он за генеральную линию партии, за ЦК ВКП (б) и проч. и проч.,

а на деле ушел в подполье, где проводил свои оппозиционные взгляды и делал свою двурушническую политику.

Ярче всего эта двурушническая, предательская работа у Ломинадзе сказалась в известном обращении Заккрайкома, выпущенном после сентябрьского обращения ЦК, а у Сырцова — в его брошюре, в докладе, произнесенном в Государственной плановой комиссии.

Я не буду долго останавливаться на обращении Заккрайкома. Вы все его читали, и, думаю, что теперь все достаточно поняли его и разобрались в нем. Бакинцы, как вам известно, протестовали против этого обращения. Теперь, в свете событий, которые развертываются перед нами, не подлежит никакому сомнению, что под прикрытием генеральной линии партии, Ломинадзе проводил в Закавказьи свои фракционные взгляды, и что, в частности, он провел их через этот документ, через обращение Заккрайкома.

Надо вам сказать, товарищи, что в этом деле не без греха и наши лидеры правых. Часто, на заводах, вам, вероятно, приходится слышать такой вопрос: ну, вот, Ломинадзе свихнулся, Сырцов заболел, но причем здесь Рыков, Томский и друг.? Не чрезмерную ли внутрипартийную нетерпимость проявляет к ним ЦК? Но фабрики и заводы одни за другими клеймят совершенно определенно этих лидеров правых, в связи с новояв ленной оппозицией Сырцова—Ломинадзе. И это не случайно. Я старался вам доказать, что весь материал, все положения, которые выдвигают Сырцов и Ломинадзе, — все это преимущественно из арсенала правых. Но не надо забывать, что в отношении правых на XVI с'езде мы вынесли весьма категорическое решение—о несовместимости правых взглядов с пребыванием в рядах нашей пар-

тии. Мы обязали — отчетливо обязали — Рыкова, Томского и Бухарина повести решительную борьбу с оппортунизмом вообще и с правым в особенности, как с главной опасностью внутри нашей партии. Но прошли месяцы, а они и до сегодняшнего дня — как в рот воды набрали, — помалкивают, очень мало выступают, или, вернее, просто молчат по тем животрепещущим темам, которыми живет вся наша партия, которыми занимался XVI с'езд. Они молчат. Если они, действительно, решительно, твердо и бесповоротно порвали с оппозицией и раскаялись в своих заблуждениях, тогда надо не только открыто и членораздельно об этом заявить, но и повести вместе с партией борьбу против уклонов. И это молчание, в то время, когда партия оберегает генеральную линию от наскоков слева и справа, это в то время, когда все вредители, один за другим, документально свидетельствуют о том, как они обрабатывали отдельных представителей нашей партии, находящихся в том или ином советском плановом органе.

Надо понять, товарищи, (сейчас это полностью установлено), что нашими врагами, заговорщиками и контрреволюционерами оказались такие люди, как Осадчий, являвшийся ни кем иным, как заместителем председателя Госплана СССР, членом Центрального Исполнительного Комитета, человеком, который был вхож во все наши советские аппараты, который участвовал в составлении пятилетки. Ведь все эти Осадчие и Рамзины в один голос признаются, что у них была несомненная надежда на победу правых на XVI с'езде. Вредители не сомневались, что победит правое крыло, и потому, мол, — заявляют они, — мы всячески старались помочь правым, вплоть до того, — если бы на с'езде правым изменило мужество — чтобы пойти на физическое уничтожение

вождя коммунистической партии и его ближайших помощников, лишь бы организационно закрепить торжество правых.

Если Рыков, Томский и другие на словах признают и как-будто разделяют все решения нашей партии, а на деле этого ничем не доказывают, то у нас невольно возникают сомнения: чего тут больше — неискренности или двурушничества? Такое поведение заслуженных по оппозиции вождей порождает и культивирует подобное же поведение у Ломинадзе, Сырцова и людей несколько меньшего масштаба.

В партии создается совершенно небывалое явление, явление какого не бывало ни при какой оппозиции, явление, представляющее особую опасность на данном отрезке времени. Это — двурушничество, это — формальное признание генеральной линии партии, а на деле — подпольная работа против нее, против партии.

Вы знаете в чем это проявилось здесь у нас. Надо вам сказать, что, конечно, там, во всем Союзе, оппозиция Ломинадзе и Сырцова особого потрясения не произвела. Но здесь, в Закавказьи, являвшемся ареной деятельности Ломинадзе, где он возглавлял закавказскую организацию, вы знаете, что случилось, вы знаете, что сейчас переживает закавказская организация, которая ему верила, — верила гораздо больше, чем это нужно было, — шла за ним в полной уверенности, что он совершенно беззаветно осуществляет генеральную линию партии, поддерживала его как только могла.

И что же получилось в результате именно этого двурушничества Ломинадзе? Получилось то, что, в частности в грузинской организации не было никаких подозрений в отношении Ломинадзе до самого последнего времени. Закавказское ру-

ководство, надо прямо сказать, с того момента, как было установлено двурушничество, предательство Ломинадзе, растерялось настолько, что до самых последних дней мы, в сущности говоря, пребываем без закавказской партийной верхушки. Это положение неизбежным рикошетом, прежде всего, и в первую очередь, отразилось на грузинской партийной организации, затем в достаточной степени на армянской, — и лишь бакинская организация, — к чести ее надо сказать, — вовремя сигнализировала опасность знаменитого обращения. Рабочий нюх бакинской организации подсказал ей, что в обращении Заккрайкома что-то не все благополучно, но этого было недостаточно, в частности, для грузинской организации и общего закавказского руководства. До самых последних дней в закавказском руководстве все еще проявлялась такая растерянность, такая нерешительность и расхлябанность, что мы только сегодня, на только что закончившемся об'единенном пленуме ЗКК и ЗККК, организовали новую партийную власть для Закавказья. А до этого прошло не мало времени, не мало дней, играющих решающую роль в нашем строительстве.

Мы здесь в особых условиях закавказской жизни воспитаны так, что взаимное доверие, пачибратство, дружба, землячество имеют чрезмерно большое значение. А это и послужило благодатной почвой для Ломинадзе, и в значительной мере облегчило его работу. Многие сами того не замечая, являлись орудием в его руках. Зная его чуть не с детства, с измальства, зная все его хорошие качества, веря ему, считая его стопроцентным большевиком, некоторые товарищи облегчили ему протаскивать установки, которые далеко не соответствовали генеральной линии нашей партии. В частности, — драка с бакинцами по вопро-

су Закфедерации. Я только здесь, на месте, сумел досконально разобраться в этом. Ломинадзе построил все очень хитро и изворотливо. Для того, чтобы иметь свою арену в Баку, для того, чтобы иметь на своей стороне Азербайджанский и Бакинский комитеты, — он понимал, что в лоб ему итти нельзя, — он решил обвинить бакинцев, в том, что они, якобы, препятствуют укреплению Закфедерации, что они якобы делают все, чтобы отмежеваться от закавказского руководства, от других республик, входящих в Закфедерацию и хотят обособиться на своем Апшеронском полуострове. На этом можно поймать и очень легко. И не подлежит никакому сомнению, что многие на это поддались и идейная драка, которую вел Ломинадзе с Бакинским комитетом (это тоже установлено), поддерживалась очень многими, именно под флагом защиты и спасения Закфедерации. Если бы это дело продолжалось дальше, то, несомненно, назрела бы угроза федерации, но только с другого конца, а не со стороны Баку. Ломинадзе насадил бы в Баку таких людей, которые если бы и не были его полными единомышленниками то, во всяком случае, беспрекословно делали бы все, что он им предлагал бы.

Вот какими методами и способами завоевывались Ломинадзе и др. отдельные звенья, связывающие Закфедерацию.

Я должен сказать, и как будто на сегодняшнем об'единенном Пленуме ЗКК и ЗККК это никем не оспаривалось, что и до самого последнего времени многие и многие все еще не поняли полностью, досконально, до дна, всего того, что происходит. Многие еще не понимают, что борьба происходит вокруг решающих принципиальных вопросов нашей партийной политики, и что Ломинадзе запутался в этом деле как безнадеж-

ный оппозиционер, что он дошел до такого градуса фракционного состояния, когда, помимо всех прочих средств, к нему надо применить и самые решительные организационные меры.

Таково единодушное мнение Пленума Закрайкома и, я думая, что перед самыми крайними организационными мерами в отношении группы Ломинадзе не остановится и настоящая аудитория. Мне думается, что только это заставит его опомниться, передумать, изменить и проревизовать свои взгляды.

Слишком уж далеко зашло дело, и мы, в Закавказьи, не полностью отдаем себе в этом отчет. Мы все еще перед своими взорами видим этого «прекрасного Бесо Ломинадзе» — замечательного парня, хорошего приятеля и не замечаем того, что за всеми этими его качествами скрываются принципы, которыми он пытался, по крайней мере, поколебать основные положения нашей партийной политики. Для того, чтобы теперь помочь Ломинадзе, раз уж дело пошло на то, — надо шарахнуть его как следует, шарахнуть так, чтобы он, наконец, очухался, опомнился, если вообще он еще способен когда-нибудь опомниться.

Сегодня, на об'единенном пленуме ЗКК и ЗККК —не помню кто — очень хорошо сказал, что «нам препятствуют в усвоении всей глубины принципиальной борьбы с Ломинадзе наши земляческие, товарищеские и всякие групповые чувства, доводящие нас временами до политического бесчувствия». Это абсолютно верно. А в политике должно быть как раз наоборот, и, в особенности в данный, весьма ответственный и сложный период.

В этом отношении закавказское руководство и, в частности, грузинское, несомненно проявили совершенно исключительную растерянность. Вме-

сто того, чтобы, как только в их руках оказались совершенно непреложные материалы ЦК ВКП(б), выйти на нашу большевистскую площадь и крикнуть клич, что, как и почему случилось, вместо того, чтобы немедленно взять бразды правления в свои руки и начать решительную расчистку всего того, что облепляло Ломинадзе, вместо того чтобы поставить все и всех на свое место и потребовать от всех и каждого из нас выполнения генеральной линии не за страх, а за совесть, — руководство растерялось и только замахало руками.

Дело не только в том, чтобы во время дать политическую оценку положению, а в том, чтобы во-время и немедленно развернуть работу. Этого у нас не было, и это — самый основной наш недостаток

В борьбе на два фронта, под руководством ленинского ЦК, за пятилетку, за большевистскую стройку, за построение социализма в СССР

Какие практические задачи стоят сейчас перед Закавказской организацией? У республик Закавказья имеется целый ряд недоимок в отношении выполнения плановых заданий. Республики Закавказья имеют долг перед ЦК ВКП(б), а нам приходится две недели заниматься убеждением друг друга, ходить с одного собрания в другое, кочевать из одной республики в другую, прорабатывать, вырабатывать все эти резолюции и т. д. Надо сказать, что наша работа в Закавказьи вообще проходит не с той быстротой, не с той напористостью, какая сейчас нужна. Об'ясняется это все теми самыми отношениями, которые все еще царят здесь.

Я должен указать, что наряду с борьбой со всякого рода оппозиционными уклонами, нам на-

до по возможности быстрее устранить те традиции которые у нас еще не изжиты,—это в отношении дружбы и т. д. Я за дружбу, но политика—прежде всего. Когда дружат люди, находящиеся на разных полюсах, и когда из-за дружбы они не желают прямо ставить друг перед другом отдельные политические вопросы, то это — вред для партии, и с этим злом мы будем все чаще сталкиваться, если мы во-время не сумеем устранить примат дружбы.

Пусть нам не кажется, что все вопросы ясны и т. д. Нам надо все материалы, которых вполне достаточно в нашем распоряжении, самым тщательным образом проработать во всех ячейках, вплоть до самых низовых, чтобы каждый член партии совершенно отчетливо понял бы — в чем дело. Когда он это поймет, тогда легче ему будет выкорчевывать остатки ломинадзевщины, которые безусловно, здесь имеются, да и не может их не быть. Тогда он совершенно твердо и сознательно будет выравнивать то положение, в котором мы оказались, это даст нам лишнюю энергию и большую напористость для того, чтобы крепче навалиться на разрешение текущих практических задач, стоящих перед нами.

Важнейшая для Закавказья задача—это задача, поставленная ЦК ВКП (б), об укреплении Закфедерации. Эта директива дана была ЦК год тому назад. Кое-что в этом направлении уже сделано, но я должен сказать, что пока сделано больше формально, чем по существу. Работы еще непочатый край.

Постановление ЦК совершенно четко формулирует задачи, стоящие перед Закфедерацией:

> Органы Закфедерации, игравшие в первый период по преимуществу политическую роль, обеспечившие успешное раз-

витие закавказских национальных республик, укрепление диктатуры пролетариата и упрочение национального мира, должны в нынешний период сосредоточить свои усилия на хозяйственном социалистическом строительстве в национальных республиках, их индустриализации, технической и социальной перестройке сельского хозяйства».

Текущие наши вопросы в Закавказьи — нефть и хлопок. Особенно по хлопку Закавказская организация имеет большой долг перед ЦК ВКП (б).

В начале доклада я говорил о перестройке на социалистических началах нашей деревни, в том числе и закавказской, правда, не в такой степени, как делается это в решающих зерновых районах. В этом отношении национальные районы отодвинуты, так сказать на вторую очередь, но и то, что им полагается разрешить в эту вторую очередь, разрешите вам засвидетельствовать, для этого еще почва не подготовлена. Да не только коллективизации ждет закавказская деревня. Разрешите вам прямо сказать, что в некоторых районах, например, в Гянджинском и Шамхорском, деревни ждут организации советской власти. И это после 13 лет существования Советской власти! Там ждут и тоскуют по советской власти, — а уж при таких обстоятельствах нечего говорить о действительных успехах коллективизации, о колхозном строительстве. С этим надо возможно скорее покончить, а для этого, в первую очередь надо восстановить во всех звеньях закавказской организации генеральную линию нашей партии, трудами Ломинадзе и его приспешников поколебленную, опороченную, а местами даже оскверненную.

Вот как обстоит дело.

Говарищи! Начиная от ячейковых собраний, вплоть до последнего об'единенного пленума, закавказские партийные организации давали очень много твердых обещаний бороться за генеральную линию партии. Но, борьба эта должна заключаться не только в том, чтобы послать соответствующую телеграмму или дать соответствующее обещание. Она заключается в том, чтобы выполнять все наши хозяйственные задачи. Я говорил и еще раз говорю: закавказская партийная организация работает у южных дверей советской страны. Об эти стены империалисты стучатся самым настойчивым образом, и, чем быстрее мы будем выполнять задачи, выдвинутые ЦК ВКП(б) перед Закфедерацией, тем скорее мы усилим мощь и обороноспособность нашего великого Союза в целом. Каждый процент недовыполнения промфинплана, каждый недохваток хлопка, чая, табака, нефти и пр., — есть ни что иное, как подрыв общей мощи обороноспособности нашей страны.

Само собой разумеется, что успехи нашей борьбы тем больше будут облегчены, чем скорее мы изживем передряги, заострим внимание на решающих участках нашего социалистического строительства и не покладая рук — и в печати, и на собраниях, и на ячейках —широко развернем нашу работу.

Всяческие двурушнические действия необходимо раз'яснить каждому рабочему, каждому члену партии, колхознику, бедняку, батраку. Каждый должен понять, что только один путь есть у нас для преодоления всех затруднений — это путь генеральной линии нашей партии, и никакой иной.

Чтобы обеспечить исход этого боя в нашу пользу, нам необходимо в оставшиеся два года пятилетки работать буквально не покладая рук.

Товарищи, помните, что осуществление пятилетки - - это победа идеи коммунизма не только внутри, но и за пределами нашей страны. Победим пятилеткой не только остатки наших внутренних врагов, но победим всю капиталистическую систему.

За работу, за пятилетку, за мировую революцию! (Бурные аплодисменты, переходящие в овацию).

Типография им. А. Ф. Мясникова. Изд-ва „Заря Востока."
Заказ № 3279 Тираж 25.000 Главлит № 2314

15 коп.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:
ТИФЛИС, пр. Руставели, 24—Заккнига.
МОСКВА, Торгсектор Госиздата РСФСР,
Ильинка, Старопанский, 5.
ЭРИВАНЬ, Арменгиз.
Б А К У, Азгосиздат.